

Прыжок В НЕЧТО

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

АЛЕКСАНДР ВЕРШИНИН:
"ОТ РЕАЛЬНОСТИ НЕ УБЕЖИШЬ,
ДАЖЕ ЕСЛИ ЗАХОЧЕШЬ"
 Однажды Татьяна Пельтцер, взглянув на дежурного пожарного в "Ленкоме", сказала: "С такой внешностью, молодой человек, в театре нужно работать актером или главным администратором". Слова великой актрисы оказались пророческими. Александр Вершинин сейчас — один из ведущих молодых артистов Малого театра. С ним встретилась Светлана ОСИПОВА.

Александр Вершинин. В 1992 г. закончил училище им. Щепкина и был принят в труппу Малого театра. Работы в театре: "Воскресение" (Нехлюдов), "Князь Серебряный" (Князь Серебряный и Федька Басманов), "Тайны мадридского двора" (Анри), "Волки и овцы" (Горецкий), "Горе от ума" (Молчалин), "На всякого мудреца довольно простоты" (Глумов) и др. Роли в кино: Алексей Кольцов ("На заре туманной юности"), Лопакин ("Воровка. Счастье напрокат") и др.

— Саша, как тебе работается на одной сцене с такими знаменитыми артистами, как Соломин, Быстрицкая, Муравьева, Коршунов, Павлов, Бочкарев, Клюев, Барышев?..

— Я счастлив работать с ними. Но на сцене не думаешь об именитости и известности: там чем больше "пропадешь" в партнере, тем точнее сыграешь. Закон Малого театра — "петелька-крючочек".

— Тяжело было войти в труппу?

— Нет. Мне вообще повезло. В нашем театре есть негласный закон: пришел — посиди, осмотришься. А мне сразу хорошие роли предложили. Это большая удача.

— Когда у тебя взяли первый автограф?

— После "Князя Серебряного". Вначале я играл самого князя — это была моя первая большая роль в театре. Потом из-за болезни актера мне пришлось срочно вводиться еще и на роль Федьки Басманова. Он — антипод князя, аморальный и развратный тип. Именно после этого срочного ввода у меня и взяли первый автограф.

— Любишь срочные вводы?

— Люблю. Тут есть возможность с ходу влететь в роль, ощутить себя в новой реальности.

— Ты ведь и в кино снимаешься. Чем репетиции в кино отличаются от репетиций в театре?

— А в кино по большому счету вообще не репетируют. Особенно когда сериалы снимаются. Там главное — знание текста. Но сниматься в кино ведь идешь не только ради денег: все равно на хороший сценарий надеешься, на хорошего режиссера... И актерам часто приходится сценарий переписывать, "переговаривать" между собой.

— С Кольцовым тоже так было?

— Нет, тут все было иначе. Мне хотелось вылить в эту роль весь свой творческий запал, накал, все силы, которые были во мне. "На заре туманной юности" — это фильм о трагической судьбе поэта. Все творчество Кольцова окутано минорной дымкой грусти. Фильм снимался под Вороным, на его родине.

Я прочитал всего Кольцова, много стихов выучил. Его ведь знают как певца природы, костра, ржи... Но он намного сложнее, разностороннее и богаче. Рядом со страстной любовной лирикой — размышления о Боге, о смысле жизни. Жизнь тела "кратка, как блеск звезды падучей", а духовная жизнь — "долга, как божья вечность". Такого Кольцова мало кто знает.

— Ты, наверное, с детства мечтал быть актером?

— Нет. После школы я закончил радиомеханический техникум. Потом работал в

пропадал в театре-студии, а по ночам работал пожарным в "Ленкоме" и сторожем в кинотеатре "Стрела" на Смоленской.

— В Щепкинское ты с первого раза поступил?

— Нет, со второго. На курс к Виктору Ивановичу Коршунову. После окончания меня приняли в Малый театр, чему я был несказанно рад. Потому что Малый был, есть и будет. Это навсегда.

— Нехлюдов из толстовского "Воскресения" — один из самых сложных образов классической литературы. Трудно было его играть?

— Да. Но это была потрясающе интересная работа. В Нехлюдове мне было интересно его хождение по мукам, самосовершенствование, духовное восхождение. Тут нужно было вывернуть себя наизнанку, перекрыть себя, сделать внутри пекло, а потом из него вырастить цветок. И если мне удалось перенести все это на сцену, отдать зрителям, если они вместе со мной пережили и прошли путь Нехлюдова, значит, я чего-то добился.

— Твоя последняя работа — Глумов в спектакле "На всякого мудреца довольно простоты". Легко вошел в роль?

— Важно подобрать свой, особый ключ к роли. Островский — самый живой драматург, его играть сложно не надо. Но и слишком упрощенно прочитывать тоже нельзя, потому что тогда выражение "мертвый Малый театр" окажется оправданным.

— Об особенной атмосфере, которая царит в Малом, ходят легенды. Но у человека, в нее не погруженного, создается впечатление, что люди здесь живут прошлым или пытаются убежать от реальности.

— От реальности не убежишь, даже если очень захочешь. Выход на сцену — это не бегство, это "прыжок в нечто". Здесь все намного глубже, сильнее, интереснее. Однажды в Щепкинском преподаватель по философии спросил меня: "Скажи честно, зачем ты выбрал профессию актера?" Я ответил: "Наверное, это дает нам то, чего жизнь никогда не даст". Сцена дает свободу.

— Но Малый — театр классического репертуара, а это своего рода ограниченность, рамки. Какая же тут свобода?

— Классика апеллирует к вечным проблемам человеческого общества. Любовь, деньги, добро, зло... Все это было при Христе, до него, есть это и сейчас. Вечность не может быть ограничена. Я за это и люблю Малый театр.

— Ты производишь впечатление очень счастливого человека.

— А я и есть счастливый человек.

НИИ, за кульманом сидел. Случайно познакомился с ребятами из Театра-студии на Красной Пресне. Там шел спектакль "Над пропастью во ржи" по Сэллинджеру, причем под фонограмму "Воскресения" и "Машины времени". То есть было ощущение, что все происходит здесь и сейчас, а не где-то там в Америке. И я в этом Холдене — главным героем — увидел себя. Он пытался вырваться из течения, по которому мы все плывем. Короче, я раза три посмотрел этот спектакль. Выходя оттуда в очередной раз, я услышал, как из репетиционного зала студии доносятся звуки чечетки. Ее лихо отстукивал Вадим Гиглов, сейчас известный балетмейстер и постановщик танцев. А я в то время болел степом. Вадим меня буквально и втащил в окно театра. Так я там и застрял. Пианино купил. Из НИИ ушел. До поступления в Щепкинское днями